

ПОД КОНЕЦ сезона Театр дружбы народов дарит нас замечательными спектаклями, оправдывая таким образом свое название. Мы помним, как в начале сезона он показывал прекрасные спектакли, среди которых особенно заметными были грузинский «Король Лир» в постановке Р. Стурра и «Дядя Ваня» из Литвы, сделанный Э. Някрошюсом. Один из критиков сказал даже, что если бы устроили какой-нибудь всесоюзный театральный фестиваль с конкуренцией, то Литва и Грузия могли бы выиграть соревнование со всеми остальными нашими республиками. Потом в Театре дружбы народов было затихло в виде достаточно посредственных спектаклей, и вот сейчас снова расцвет. В конце мая прошел (в помещении Театра сатиры) блестящий спектакль Темура Чхеидзе «Хаки Адзба» с потрясающими актерами О. Мегвинетукуцеси и Н. Мгалоблишвили, только что уехал Рижский ТЮЗ, показавший на Малой Бронной «Завтра была война» в постановке А. Шапиро, а затем прекрасный спектакль «Наш городок» Т. Уайлдера, «грузиненный» Р. Габриадзе (действие происходит не в американском, а в грузинском город-

Калмыков), переживающая из-за того, что хочет быть портнихой в то время как другие ее сверстники — танкистами, летчиками или парашютистами. Вика Люберецкая (А. Некipelова) — красивая и гордая, и чуть больше других понимающая в жизни: ей отец много объяснил. Она и становится первой в спектакле жертвой времени — кончает жизнь самоубийством накануне комсомольского собрания, на котором ее хотели заставить отречься от отца, «врага народа».

И взрослые — разные: Валентину Андроновну, учительницу (Т. Дяуба), я просто-напросто боялся — такая нерассуждающая готовность давить всех, не согласных с ней, была в этой женщине, что становилось страшно. Мать Искры (Н. Федорова), слезную, не сомневающуюся женщину, тоже сначала боялся, а потом жалел — в ней был глубоко спрятанный страх. Не за себя — за дочь; она запрещала ей выступать на могиле Вики, потому что боялась за нее (и не напрасно — там, на кладбище, сбоку стоял человек, руководивший арестом Люберецкого). А Искра все равно выступила — прочла предсмертные стихи Есенина, которого са-

ПРОЗРЕНИЕ

СЕЗОН В ТЕАТРЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ке, и у персонажей — грузинские имена); поставил спектакль М. Туманишвили в Тбилисском театре киноактера.

Там не менее многие на этих спектаклях идут при далеко не переполненных залах: мой анакомый в день своего приезда на Львова свободно купил билет в кассе на представление «Нашего городка». Увы, практически нет рекламы: афиши, ксерокса встречающиеся на московских улицах, таковой служить не могут. Ну и увидит человек, что сегодня на Малой Бронной идет какой-то спектакль, скажем, «Завтра была война», какого-то Рижского ТЮЗа. Что это за спектакль и почему надо смотреть обязательно его, он не знает — зато ему известно, что в Театре имени Маяковского идет спектакль с таким же названием. Там что скорее всего он не пойдет на спектакль Рижского ТЮЗа — ну разве что ему совсем уже нечего делать вечером и у него есть привычка ходить в театр. А вот если бы на плакате было написано, что этот спектакль уже был во многих городах страны, что дважды он выезжал на гастроли в ФРГ и получал там отличный прием и отличную прессу, то глядясь, и задумался бы человек и постарался бы пойти. Но наша реклама имеет стойкую репутацию самой некачественной в мире... А это идет во вред репутации театров и даже качеству спектаклей, ибо известно, что при полном зале они, как правило, идут лучше, чем при полупустом — другое самочувствие у актеров.

Так вот о рижском спектакле «Завтра была война», особенно сильно подействовавшем на меня: можно сказать, он явил образец творческого отношения к прозе. Эта повесть Бориса Васильева была напечатана не так уж давно, но все-таки в годы, когда о многом говорить было не принято. Поэтому автор арестовал одного из персонажей как уголовного преступника, расквитателя, а не как «врага народа», что было в те годы гораздо более распространенным, режиссер сделал повесть точным и жестким рассказом о жестоком времени.

Сцена заставлена чем-то вроде детских кубиков, на которых нарисованы самолеты тех лет и летчики. Это сразу напоминает о многом: похаживая кубиком, я сам играл в довоенном детстве, а самолетами этикетки все очень гордились до войны, когда они, громоздкие и тихоходные, медленно стали жертвами фашистских летчиков (помните этот потрясающий эпизод в фильме «Жизни и смерти», где немецкий истребитель летал, как хотел, вокруг нашего медленного бомбардировщика?); и сам эти кубики, больше подходящие для детей десятилетнего возраста, а не для школьников 8-го класса, но потом понимаешь, что ребята эти по уровню понимали жизни, которой они живут, оставалось по-детски невнимательными. И Искра Полякова, комсорг и лидер своего двенадцатого класса, спрашивающая: «Как они относятся к папке?», некаландаки с Германией, и тут же сама отнекаландаки, что это замечательная победа советской дипломатии. И музыка: тех лет — от увертюры к фильму «Дети капитана Гранта» до всевозможных песенно, тогдашних вострадных шлягеров, называвшихся и сегодня чем-то милах. Время сразу же входит на сцену с плакатной резкостью и с глубокой психологической портретностью.

Музыка много в спектакле, и она многозначна. Один пример: в рабочем общении свадьба, молодежь поет «в далекий край товарищ улетает...». А по сцене в этот момент проходит арестованного Люберецкого, и слова песни, такой лирической, неожиданно воспринимаются как режиссер по нему: он ведь тоже «в далекий край»... Это мгновенное соединение радости и горя пронзает огромное впечатление, и таких моментов много в спектакле.

Удивительно интересны и школьники, и взрослые. Первые — красивые, хорошие, молодые и, к сожалению, мало понимающие в жизни, живущие в основном стереотипами времени. Искра (Н. Коваленко), которую мать учит не думать — чего там думать, все известно, и яе никто (и даже вредно) сомневаться в истине, уже давно открытой старшими. Зина Коваленко (М.

ма же в недалеком прошлом называла «упадническим поэтом», но в минуту прощания других слов не нашла.

В спектакле постоянно сталкиваются две необходимости — естественная, человеческая, и рожденная жестоком временем. Артему Шефферу (В. Долинкин) совершенно необходимо настоять на своем десятикласснику, отбивающему у него Зину Коваленко (то, что сама Зина, очень влюбленная, позволяет себя отбивать, для него значения не имеет). Нормальные мальчишеские девятиклассные отношения. Но в дело вмешивается Валентина Андроновна и разгадывает большую секрет, даже тайну: отец десятиклассника служит в милиции, и драка тут же квалифицируется как избивание сына работника милиции, то есть едва ли не сознательное покушение на Советскую власть.

Но действие, если и не равно противодействию, то во всяком случае активизирует его — эти ребята, школьники, на глазах учатся. Так, Роза (О. Шепицкая), сбегавшая из дома к своему любимому, произносит вполне современный монолог о том, что женщине нужно прежде всего любить и быть любимой, и если так будет у всех, то и мужчины горы свернут. И главное, эти мальчишки и девочки начинают, пусть еще робко, осознавать себя коллективом, классом, людьми — а идет 40-й год, совсем немного мирной жизни им осталось, завтра была война. Ответ ее ложится на спектакль, рассказывающий о том, как были по своим.

Эти ребята меняются. Раньше та же Искра спокойно и даже сочувственно выслушала бы сообщение своего бывшего одноклассника Стамескина (П. Васильев), о том, что Люберецкий «украл миллион, весь завод знает», сейчас, побывав дома у Люберецких, — не верит. Раньше не пошла бы вместе со всеми хоронить Виду — теперь идет. Естественная, живая жизнь берет даже в ней верх над придуманными злыми догмами — в этом итог спектакля.

В нем — редкий случай — все играют замечательно, потому что все одушевлено одной идеей. Так всегда бывает, когда труппа возглавляется таким режиссером, как А. Шапиро; у театра, точнее, у его русской труппы, есть свои сложности, но от Шапиро уходит немножко — потому что, несмотря на эти сложности, они имеют, пусть не очень часто, минуты высокого творчества, такие, как в этом замечательном спектакле.

ТЕАТР дружбы народов создан для того, чтобы показывать в Москве то, чем реально богато наше театральное искусство. Ему приходится нелегко — после открытия сразу началась борьба за право выступить в нем, борьба, которая ведется не всегда средствами искусства; я не так давно разговаривал с одним периферийным режиссером, который был готов пообещать все что угодно, только бы спектакль его театра взяли на сцену Театра дружбы народов. И в общем-то хорошо, что он так стремился туда, — значит, эта сцена становится престижной. Нужно только, чтобы этот престиж поддерживался постоянно, чтобы требования к спектаклям не в коем случае не снижались, чтобы приезжали только действительно прекрасные спектакли. Как те, что были названы в этой статье.

Юлия СМЕЛКОВ.